

Евгения САВЧЕНКО

ПОРОКИ

@ЭЛИТА

18+

Евгения Савченко

Пороки

*Текст предоставлен издательством
Пороки: ЭИ «@элита» ; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

Действие романа начинается в современном сером городе. События разворачиваются вокруг девушки-лесбиянки, полюбившей главу молодежной секты – парня по имени Юлий.

Ради него девушка начинает посещать его странный дом, вливается в компанию городских сумасшедших, проводящих там вечерами магические обряды.

Перед героиней стает выбор: ничего не изменять в своей жизни, оставшись со своей бывшей подружкой, продолжать добиваться Юлия, или же уйти к его девушке, Сатире, которая так же отвечает ей взаимностью.

В ходе того как девушка пытается сделать выбор, она узнает о том, что Юлий – действительно обладает некоторыми магическими способностями, двое его ближайших друзей считаются умершими, хотя приходят в дом Юлия каждый день, а многие из членов секты – лишь марионетки в руках Серого Кардинала.

На одном из магических ритуалов, где сектанты вызывают мёртвую Мэри, девушка просит у мертвячки исполнения ее единственного желания, которое звучит так: «Я хочу Юлия».

Содержание

Пролог	5
Примета № 1. Убить паука – к несчастью	8
Примета № 2. Упавшая на пол ложка или вилка предвещает скорый приход женщины	17
Примета № 3. Не возвращайтесь за забытой вещью, иначе ваш путь будет неудачным	30
Примета № 4. Лгать можно, нужно лишь держать пальцы «крестиком»	47
Примета № 5. Разбитое зеркало предупреждает о скорой смерти близкого человека	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгения Савченко

Пороки

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Иногда мне кажется – я знаю тайну мироздания. Почему люди, пряча от холода лица в капюшоны, опаздывают на автобус. И какова их роль в общем существовании. Да, я, определённо, знаю.

Знаю, что всё в этом мире скоротечно, и что будет после всего, что холодное небо никогда не изменит своего цвета, как того хотел Чжан Цзяо. А может, он хотел совсем не этого?..

Мир – лишь слово. Его, как кусочек масла, можно размазать по печеню. Мир давно уже перестал быть загадкой, он превратился в помойную яму, сток. Кто-то явно подшутил над нами, раскидав столько смертных и столько неидеальных душ по теннисному мячику.

Да, мир – всего лишь мяч для игры в теннис, летящий от одного противника к другому. Когда-нибудь нас отобьют ракеткой. И не будет никакого конца света, мы просто полетим в другую сторону.

Хотя, если честно, я думаю, мы уже летим. В обратную. Деградируем, какое ещё доказательство вам нужно?

Я так многословна, потому что иду домой по весеннему рыхлому снегу. Выходя из автобуса, обгоняю медлительных прохожих и просто знаю, что мир не изменится, если я не стану спешить. Но этот холод я не люблю. Это небо. Ещё

немного и, кажется, меня просто затопчут, я здесь не своя. С трудом понимаю, что меня не держит даже пустота автобусных остановок по утрам в час-пик.

Чересчур подкрашенные глаза идущей навстречу девушки, двери подъездов, стандартные рингтоны сотовых телефонов. И снег, стекающий с моих собственных ресниц. Прихвативший с собой немного чёрных комочков и превратившийся в воду, он не красит, совсем не красит моего лица, когда я подхожу к неродной пятиэтажке с окнами-клонами.

Почему я каждый раз обречена говорить соседу «All right!» на вопрос о том, как у меня идут дела? Он сам уже достал меня с этим единственным известным ему со школы выражением. Хронический алкоголизм, ничего не меняется. День за днем одни и те же налитые кровью старые глаза. Сумятица. Холодный ветер, бьющий в затылок.

Иногда мне кажется, я знаю смысл нашего здесь пребывания. И от этого ещё больше хочется вздернуться в ванной. Каждый предпочитает умирать по-своему. Кто-то влюбляется. И всю жизнь грызет ссохшиеся от старости и тощие от недоедания пальцы, которые подставляет Любовь в ответ. А кто-то отказывается, умирая от истощения. Каждый умирает по-своему: от токсичных библиотек или высоких детских площадок. У каждого свое предпочтение на этот счет.

Да, именно. Это мы представляем смерти счёт, наоборот быть не может.

«Вот, смотри, я сделал уже столько и столько, теперь на-

стал мой черёд умирать».

А я всё никак не соберу достаточно пунктов в этом портфолио-счёте для новой подруги-смерти. Так и приходится бороться за собственную посещаемость на занятиях. И читать Фрейда по ночам, не слушая грязные вопли соседей.

Примета № 1. Убить паука – к несчастью

Утро 29 сентября 2007 г.

Вид балкончиков дома напротив не менялся уже вторую тысячу лет. И, судя по всему, никто и не собирался наводить там порядок. Небрежно развешанные на бельевой верёвке трусы-носки уже должны были бы окаменеть от времени их сушки.

Осень обостряла извечное желание сделать хоть что-то, чтобы оторваться от рутинной привычной жизни. Осень вообще всегда и всё обостряет. Лето уже не нужно, оно ушло. Оставило напоследок немного тёплых улыбочивых дней. Но ушло.

– Предлагаю прогуляться куда-нибудь, – она всегда задавала вопрос по одной и той же схеме – так, чтобы потом самой же на него и ответить.

– Куда? – Я уже достаточно устала от её общества, чтобы дойти до состояния, когда не хочется бороться с накатывающим безразличием.

– Можем сходить к кому-нибудь, или посмотреть какой-нибудь...

– Не будь лицемеркой, – с раздражением тоже было бороться бесполезно, – Просто скажи, куда ты хочешь пойти?

– Помнишь, где раньше было здание старого детского садика? Ну, мы ещё когда-то приходили туда после занятий, сто лет назад, помнишь?

Сто лет назад... Прошел всего год. И за этот год кому-то из нас прибавилось взрослости, кому-то притворства. А кто-то сейчас явно переигрывал.

Но, в целом, идея была неплохой.

Брошенные развалины детского сада находились за пару автобусных остановок от моего дома, недалеко от городского парка. Новое здание построили ближе к центру – так, считалось, удобнее родителям, отвозящим своих малышей в садик по пути на работу.

– Ладно, – кивнула я, – Идем в заброшенный детский сад.

Возвращаясь туда, где давно не был, всегда замечаешь, насколько время всё изменило. Изменило, прежде всего, тебя. Чего-то ты никогда не замечал прежде. И, наоборот – на что-то, теперь кажущееся нестоящим, ты раньше обращал слишком много внимания.

Сразу стало понятно, что мы здесь не одни. Но дверь была, как и всегда, не заперта, а значит, никто не запрещал нам войти.

Всё изменилось в этих развалинах. Вернее, развалинами бывший детский сад уже назвать было нельзя. Разве что только снаружи. А внутри кто-то достаточно постарался, обустроив бывшие пустые и пыльные комнаты так, что стало ясно: детский сад больше не развалины, здесь живут. Но

живут необыкновенно, не так...

Любопытство подогревала одна деталь: дверь была не заперта.

Странность окружающих предметов не отпугивала, а скорее наоборот, приглашала рассмотреть их, изучить, докопаться до сути. Повинуясь инстинкту, мы с Никой прошли дальше.

Там, где раньше был просторный холл, остался узкий проход между двух возвышенностей, накрытых тяжелой грязно-молочной асбестовой тканью. Две площадки, разделенные коридорчиком, были не выше колена, но пройти между ними вдвоём невозможно.

Я взяла Нику за руку и потащила за собой. Несмотря на странность в изменившейся обстановке, она не сопротивлялась. Быть может, её грели воспоминания годовой давности, когда мы приходили сюда одни, пропуская занятия университета, забывали учебу, забывали друзей, выговоры родителей. Когда пачкались о пыльные стены и целовали друг друга, сидя на подоконнике. Тогда казалось чем-то высоким, чем-то особенным то, что две девушки находят романтику в обветшалых стенах, где когда-то бегали и смеялись дети, где проходило чьё-то детство. Где мы и сами вспоминали своё детство в перерывах между изобретательными ласками, сплетали руки в замок. Вспоминали, как медленно выросли в одном дворе, в одной группе детского сада, в одном классе средней школы.

Негласным правилом было одно: не говорить о бывших парнях и о том, почему мы учимся не в одном университете. Наши планы сошлись в выпускном классе на том, что мы обе идем в медицинское училище. Ника, ничего не сказав мне, после выпускного вечера подала документы на физико-математический факультет. Но и я, не сказав ей ни слова, решила пойти учиться на психолога. Она поступила. Я – лишь со второго раза.

Она – некрашенная темная брюнетка, я – бледное рыжее существо с худыми руками и ногами.

В комнате было достаточно светло. Занавески нежного древесного цвета пропускали лучи солнца, создавая иллюзию угасания дня. Мебель отсутствовала. Здесь не было ничего, кроме мягких волн золотисто-коричневой ткани на полу и разбросанных по углам пухлых подушек. Комната преобразилась, не такой мы видели её год назад. Теперь она казалась теплой, а не заброшенной и забытой. Не хватало, пожалуй, лишь мерцания свечей. Но кто зажигает свечи днем?.. Нет, они созданы для ночи, для ласковой, осенней ночи, когда своё тепло хочется отдать без остатка лишь одному...

И они словно были частью обстановки. Эти двое, сидящие прямо на полу, удивительно вписывались во всё увиденное нами в развалинах старого сада.

На парне была чёрная рубашка из мягкой ткани. Его френч валялся неподалеку, сброшенный в порыве как что-то

ненужное, лишнее в данный момент. У него были длинные чёрные волосы, которыми девушка опутала свою левую руку. Она сидела на коленях у парня, и обворожительно улыбаясь, обматывала очередную прядь вокруг указательного пальца. Темноволосому парню, казалось, всё равно, что она поймала его в ловушку; закрыв глаза, он скользнул языком по её открытым плечам к шее, вверх, к подбородку, и со слепым аппетитом укусил за нижнюю губу.

Левая ладонь блондинки сжалась, и девушка настойчиво потянула его за волосы, с удовольствием демонстрируя своё превосходство. И в тот же миг мы услышали недовольный стон – парень вовсе не собирался отпускать её.

– Это же готы, – зашептала Никки. – Не хватало ещё, чтобы...

– Тише, – мне не хотелось, чтобы наше присутствие заметили так рано. Ужасно хотелось знать, чем закончится схватка.

Блондинка чуть ослабила левую руку, роняя несколько прядей. Второй рукой она уцепилась за воротник его рубашки. После непродолжительного поцелуя, когда она всё же позволила парню дотянуться до своего лица, положение несколько изменилось. Теперь она, прикусив его язык, тянула парня на себя, а он отстранялся, по-прежнему не открывая глаз. Видимо, девушка перестаралась с укусом. Послышался болезненный стон, и они оба едва не свалились. Парень вовремя успел упереться рукой в пол, чтобы удержать

девушку на себе. Зато блондинка, посчитав, что он пытается её спихнуть, мгновенно вцепилась в него ногтями. Ладонь девушки соскользнула, и на его шее осталась пара багровых полос.

В опровержение её страха он сильнее сжал руку, которой уверенно обнимал ее за талию:

– Ты неужели могла подумать, что я тебя уроню?.. – Его голос прозвучал приглушенно, но насмешливо. – Но всё равно ты проиграла.

– Ну, почему же? – Она нежно запустила руки под его рубашку: – Я бы так не сказала...

– Ты не умеешь бороться без боли. Садистка.

За спиной мы услышали, как скрипнула и захлопнулась входная дверь. словно механизм мышеловки.

Блондинка резко повернула голову в нашу сторону. Парень открыл глаза. Но он по-прежнему смотрел на неё. Смотрел заинтересованно, дико.

– Это что ещё за Кнопка и Скрепка?! – Её тонкий чистый голос разбивался о стены комнаты. – Юлий, ты пригласил ещё пару потенциальных марионеток?

– Нет, что ты, – шептал он ей на ушко, словно нас здесь не было. – Они приходят сами, они все теперь приходят сами. И, кстати, они все уже порядочно надоели мне.

Девушка выбралась из рук длинноволосого Юлия и раздраженно взглянула на меня:

– Послушай, возьми свою подругу, и, пожалуйста, просто

удались.

Её заглушил громкий смех:

– А-ха-ха!!!... Как вежливо, Сатира, как жутко вежливо!

Растерянная, я уставилась на него, понимая, что лучше бы уйти, да только как-то глупо...

Сатира фыркнула что-то неразборчивое в ответ и, распахав нас с Никой по сторонам, вылетела из комнаты.

Юлий продолжал заразительно смеяться. Сбитая с толку, я тоже несмело улыбнулась. Взгляду этого человека невозможно было не подчиниться.

Никки вытащила меня в холл, бестолково осыпая проклятиями мою несчастную рыжую голову. Где-то между фразами «Ты о чём вообще думала?!» и «На кой чёрт мы вообще сюда пошли?!», я вдруг поняла, что стою в проходе между двумя накрытыми светлой тканью возвышенностями, а Никки тянет меня за руку вперед, к выходу из развалин. Не желая уходить, я обернулась, не вполне понимая, что именно хочу увидеть позади себя.

Конечно же, его не было. Станный парень по имени Юлий остался в комнате без мебели.

Снова скрипнула входная дверь, и мы услышали давно знакомый голос, который вернул нас в более адекватное состояние:

– Эй, старые знакомые! Никогда не думал, что встречу вас здесь! – Голос принадлежал Тоду, нашему с Никой бывшему другу по школе. Он учился в параллельном классе «А», по-

ка не решил, что учёба – это занятие гиблое и для него не подходящее.

– Тод! – Из одного состояния потрясения Никки перешла в другое. – Ты тоже вместе с этими?!

Его лицо приняло невразумительное выражение:

– Вместе с этими... С кем?

Ника робко указала пальцем на дверь за своей спиной:

– Мы там застали парочку готов за прелюдией. Они смотрелись жутко глупо, ты бы только это видел!

– Ааа... – Задумчиво протянул Тод. Затем вдруг согнулся от хохота, сжав руками грудную клетку, и небрежно пояснил: – Это не готы, нет. Это наверняка были Сатира и Серый Кардинал.

– Чего?! – Появление Тода постепенно возвращало меня к реальности после чудного зрелища, но говорил он какую-то чушь.

– Серый Кардинал. – Тод стал чуточку серьезнее. – Так вы не знаете его? Тогда, почему вы здесь?

– Мы здесь, потому что дверь была не заперта, – гениальный ответ от Никки прозвучал несколько небрежно.

– А она не запирается никогда. – Тод, глядя на неё, тоже впал в ступор, как если бы он говорил нам простые вещи, а мы никак не могли ухватить их суть.

– Эй, Тод! Юлий хотел видеть тебя. – Тонкий приятный голос прозвучал откуда-то слева сверху. Я повернулась и увидела блондинку, стоящую на лестнице. У здания имелся

второй этаж.

Заметив нас, Сатира не стала ждать, пока Тод ответит, а сразу кивнула ему в сторону двери:

– Он в Песочной Комнате. – И ушла, застучав каблучками по деревянным ступеням, ведущим с застеленной возвышенности в сумрак верхних комнат.

Тод заторопился, протискиваясь мимо нас по узкому проходу. Возле входа в комнату, где остался Юлий, остановился и небрежно бросил нам:

– Вечером, если захотите, можете прийти. Здесь бывает много народу, и мы рады новым людям. Я расскажу вам всё при встрече, это будет интересно, поверьте.

– Мы придем, Тод. – Ответила я за нас обеих.

– Тогда, до вечера. – Он исчез за дверью.

Никки недовольно сжала мою руку, глядя на меня со злобой. Видимо, ей нужны объяснения. А я смотрела на неё, а видела лицо Юлия, Серого Кардинала, как назвал его Тод. Видела в её глазах его чуть раскосый, звериный взгляд. Именно глаза и длинные темные волосы делали его похожим на... индейца, наверное. Тонкие губы и строгие черты лица.

Моргнув, прогоняя видение, я поцеловала Никки в губы. На удивление, она мне ответила. А мне казалось, она сердится. Проведя кончиком языка по её губам, я вздохнула:

– Идем. Здесь очень много воспоминаний.

Примета № 2. Упавшая на пол ложка или вилка предвещает скорый приход женщины

Вечер 29 сентября

Неопределённое понятие «вечер» играло на нервах. Предупредив своих домашних, что вернусь поздно, я снова отправилась к зданию бывшего детского сада. Закат ещё только начинал разгораться в тихом осеннем небе.

Я понимала: Никки будет недовольна. Её тоже заинтересовали перемены, произошедшие с развалинами, удивили люди, которых мы там встретили. Но обо всём этом она говорила с чувством кислого негатива. Всё не так, всё не то. Готы. Так она называла любые субкультуры, которые терпеть не могла. Готы... Да никакие они не готы.

Вспомнился чёрный френч Юлия и потрясающее темно-фиолетовое платье Сатиры – короткое, с затянутым на груди корсетом. Затянутым так, что каждый вдох, казалось, делался с усилием, её тело словно вырывалось, протестуя против крепкой шнуровки.

Хотя... Я не могла прогнать ощущение, приклеившееся ко мне сразу после того, как я нерешительно взглянула в раскосые глаза Юлия. Этот человек стоит того, чтобы задышаться рядом с ним.

Дверь, как и прежде, была не заперта.

– Эй, Кнопка, неужели ты осмелилась придти вновь?! – Язвительно-насмешливые слова, произнесённые глубоким тонким голосом, заставили меня пожалеть о том, что я не послушала Нику.

Из небольшой толпы, стоящей в холле, вынырнул Тод:

– Это я позвал их, Сатира. – Следующий его вопрос был обращен ко мне: – А где твоя девушка? Где Никки?

– Да, куда ты дела Скрепку, а? – Сатира рассмеялась каким-то неестественным, пьяным смехом.

– Угомонись, прошу тебя. – Тод немного виновато посмотрел на неё.

– А что такого? Просто они мне очень понравились, – она перевела взгляд на меня, и её глаза сразу стали холодными и колючими. – Мне кажется, в будущем у нас будут особенно тёплые отношения. Верно?..

– Я тоже на это надеюсь, – меня удивляло её состояние: словно пьяна, но это явно не так. Или всё-таки...

– Надо же, она умеет разговаривать! – Сатира кривлялась, смеясь мне в лицо. И всё же, она вызывала во мне больше восхищения, чем неприязни.

Кто-то из вошедших поинтересовался, скоро ли придет Серый Кардинал. Вспокоившись, Сатира помчалась на второй этаж «переодеться». Тод разговаривал с кем-то, кого я не знала.

Воспользовавшись тем, что внимания на меня никто не

обращает, я решила осмотреть холл, который теперь выглядел иначе, нежели при нашем утреннем посещении. Лоскуты ткани были сняты, под ними оказалось множество невысоких продолговатых африканских барабанов. Они были составлены так, что образовывали единую плоскость. И, что показалось мне ещё более странным, по ним ходили люди, оставляя каждым своим шагом тихий глубокий отзвук. Создавалось впечатление, что комната наполнена этими отзвуками небрежных шагов и словами, сказанными друг другу невзначай, шепотом, голосами, парящими в воздухе между силуэтами людей и их тенями.

Воздух наполнял одурманивающий дым. Осмотревшись по сторонам, я заметила, что многие из присутствующих держат в руках тлеющие палочки благовоний. Люди вдыхали их дым, они смеялись, разговаривали между собой и чуть покачивались, когда проходили мимо меня, оставляя за собой удушливый шлейф тлеющего бамбука, корицы или лаванды.

– Эту комнату называют Комнатой Там-Тамов. – Тод протянул мне руку, предлагая взойти на звонкую плоскость.

Я приняла приглашение и забралась к нему:

– И почему же?

– Потому что эти барабаны так называются. Ты разве не знала? – Он посмотрел на меня с такой насмешкой, будто бы я спросила об абсолютно всем известном факте.

– Не смотри на меня так, я себя тупицей чувствую.

От моих слов он расхохотался.

Толпа разрасталась, шум и запах тлеющего бамбука становились всё ярче. От непривычной обстановки голова начала кружиться, с каждой минутой набирая скорость.

Когда у Тода закончился приступ смеха, он предложил:

– Давай выйдем на воздух. Иначе ты плавно сойдешь с ума. В первый раз всегда бывает именно так, знаю по себе.

Я кивнула.

Стояла звёздная ночь. Млечный путь невозможно было разглядеть, но он бы только портил картину. Мерцающая роса на черном бархате неба...

– Надо же, ты ничем не отличаешься от остальных. – Тод достал пачку сигарет, чтобы закурить. – Выходя ночью из дома, сперва смотришь на звёзды. Неужели нет ничего более достойного внимания, чем эти маленькие недоступные огоньки на столь же недоступном небе?

От его слов у меня начался нервный тик:

– Тод, и это ты? С каких пор ты начал говорить словами пьяных поэтов?

Он посмотрел на меня с укором:

– Не осуждай за то, что пьяных. А вообще... Попробовала бы ты оставаться в этом доме и разговаривать как дворовое быдло...

– Вот, – меня порадовала перемена в его голосе, – У тебя уже выскальзывают отвратные сленговые слова. Значит, ты не поэт. А насчет звёзд, – я улыбнулась. – Звёзды хотя бы

красивы. А на что ещё смотреть? На тебя что ли?..

Он оскорблено покачал головой:

– Как ты жестока...

– Чем тебе звёзды-то не понравились?! – Мое шуточное восклицание произвело на Тода какое-то вдохновляющее впечатление.

Театрально подняв к небу взгляд, он заговорил:

– Слишком далекие эти звёзды. Никчёмные, потому что достать их нет возможности. Я не могу найти смысла в том, что люди так часто думают о них. Все эти теперешние поклонники астрологии...

– Теперешние? – Поток его слов вверг меня в уныние. – Люди и в древности задумывались об изучении звёзд, Тод. Так что ты неправ.

– Я и не претендую на то, чтобы меня считали правым, – он всё ещё смотрел на звездное небо. – Но в звёздах нет смысла – это я так считаю. Не дотянуться, не познать, не ощутить, не попробовать. Думать о звёздах столь же бесполезно, как и мне любоваться с тобой звёздным небом, зная, что ты спишь со своей подругой.

Мне стало не по себе.

– Вот, значит, к чему весь этот спектакль о недостижимом, – нужно было как-то свернуть тему. На мгновение я задумалась, а потом неуверенно спросила: – А что произошло с этим местом, Тод?

Его выражение лица стало сосредоточенным:

– Хочешь знать, кто такой Серый Кардинал?

– Да, – мне было всё равно, что он подумает о причине моего интереса к Юлию. Я и сама не могла толком разобраться, почему он интересен мне.

– Ну, что же... Я знаю не так уж много, – одна его маска сменилась другой. Сосредоточенность уступила гримасе «как бы чего лишнего не ляпнуть»: – Он выкупил это здание, и я понятия не имею, чего это ему стоило. Однажды я встретил его в книжном магазине, он раскритиковал мистику, которую я хотел купить. И мы разговорились. А после того, я как пришел сюда впервые, стал возвращаться каждый день.

– А эти люди? – Я кивком указала на входную дверь.

– Такие же, как и я. У них, правда, свои причины возвращаться сюда снова и снова, и, быть может, не так часто, как я...

– Хорошо, ладно, – из слов Тода я ничего не поняла, но узнать мне хотелось вовсе не о том: – Кто такой Юлий?

Слова Тода прозвучали странно:

– Он – нечто необычное. Не то сектант, не то настоящий колдун... Ты бы видела, какое волшебство он нам показывал! Он много говорит, во всем этом очень легко запутаться. Пожалуй, из всех его понимает только Сатира. И занимает рядом с ним вполне обоснованное место.

Что? Чтобы один парень в адрес другого говорил подобное?! Уважение здесь не причем, он ему почти поклонялся. А поклонение... Что же нужно сделать, чтобы заставить лю-

дей так относиться к себе...

На мгновение показалось: я схожу с ума. Я увидела, как по узкому тротуару возле дороги, освещённой холодным светом ночных фонарей, идет Юлий. Идет, укутавшись в свой чёрный френч, а его длинные волосы разметались по плечам, делая силуэт ещё более похожим на безликую тень. Черные глаза на бескровном лице смотрятся издали, словно два острых вытянутых треугольника.

Мне стало холодно.

— Пойдем, нужно предупредить всех, что Серый Кардинал появится через минуту, — Тод тоже заметил его.

А в доме уже началось необыкновенное действо: пришедшие танцевали на барабанах какой-то дикий танец племенных индейцев. А может быть, африканцев. Голые ступни стучали о поверхность барабанов, производя восхитительный магический ритм беспорядочного движения. Музыки не было. Лишь этот стук, смех Сатиры и приглушенные голоса, вопрошающие, скорее всего, о самом сокровенном.

К нам сквозь толпу прошла девушка в великолепном темно-фиолетовом длинном платье. Прошла свободно, поскольку толпа расступалась перед ней, словно Сатира была хозяйкой этого дома. Сатира вела себя как настоящая Богиня. И выглядела соответствующе. Светлые локоны её пышных волос рассыпались по плечам, где были умело нарисованы распускающиеся белые лилии. Снова платье без бретелек на корсете, только на этот раз шнуровка располагалась на спи-

не. Поверх атласной фиолетовой ткани корсет был покрыт крупной черной сеткой, а свободные воланы стелились вниз, до самого пола. В шнуровку корсета были вплетены широкие белые ленты.

Зрение начинало меня обманывать. Темное платье Сатиры подчеркивало её безупречно белую кожу. И в то же время цветы, нарисованные белым косметическим карандашом, должны были подчеркивать контраст между её кожей и истинным белым цветом... Словно она говорила всем: «Я не ангел, но так к этому близка...».

– Тод, где Юлий, он ещё не вернулся? – Тон её голоса выдавал легкое волнение.

– Он будет через пару минут, – Тод с усилием отвёл от нее глаза – очевидно, пялиться на девушку Серого Кардинала было «нехорошо». – Мы видели его на улице.

Она кивнула, намереваясь снова уйти сквозь толпу.

– Сатира, – окликнул ее Тод, – кажется, он не в лучшем настроении.

Безмолвно наблюдая за их разговором, я увидела, как на лбу Сатиры в ответ на предупреждение Тода настороженно собрались две горизонтальные складочки. Но вот скрипнула входная дверь, и складочки плавно разгладились.

Сатира ещё раз кивнула Тоду и, мягко улыбнувшись, поплыла к вошедшему.

Взгляд Юлия был острым и холодным. Все почувствовали приход Серого Кардинала. Движение в один миг замерло;

люди ждали, пока он что-нибудь скажет, что-нибудь сделает, что-нибудь позволит... Даже дым бамбуковых палочек, казалось, остановил свое течение по комнате. Юлий и правда значил для присутствующих нечто большее, чем просто хозяин этого дома. Нечто высшее, подобное божеству. И они жадно пожирали взглядами его усталость и холод, прятавшийся в локонах чёрных волос. Они ждали волшебства, магии, их глаза молили об этом: «Дай нам огня, дай воздуха...».

А божество лишь небрежно положило руку на плечи Сатире и раздраженно проговорило:

– Веселитесь, не нужно тишины.

Возня, разговоры, стук барабанов, запах лаванды и корицы вернулись вновь. Словно кто-то нажимал на кнопку «пауза» и теперь снова включил яркий, одурманивающий фильм.

Серый Кардинал прошептал Сатире несколько слов, но среди общего шума я не разобрала их. Он увел блондинку за узкую дверцу, располагавшуюся возле входа в Песочную Комнату.

Тод затащил меня в толпу – наверное, специально подальше от той двери. И мы танцевали, как и все вокруг, смеялись и болтали, как и все вокруг, дышали общим воздухом Комнаты Там-Тамов, смешанным с завораживающим дымом тлеющих благовоний. Мы делали то же самое, что и все вокруг нас.

– Почему здесь так много народу? – Я задала вопрос спонтанно, на самом деле мне было всё равно.

– А как, ты думаешь, называют это место? – Тод хитро ответил вопросом на вопрос, и я, не раздумывая, сдалась:

– Не знаю. Как?

– Дом, Где Никогда Не Запирается Дверь.

– Мне кажется, – я перестала танцевать, делая вид, что устала. – Мне кажется, что вы слишком много вкладываете в название. Вещи такие, какие они есть. Всего лишь вещи.

– Да, но название очень подходит к этому месту, не правда ли? Серый Кардинал никогда не запирает входную дверь. – Тод тоже остановился, внимательно смотря на меня.

– А почему вы его так называете? Почему именно «Серый Кардинал»?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Все его так называют. Раз называют, наверное, на это есть причина.

– Я устала, хочу немного отдохнуть, – мне хотелось пойти следом за Юлием и Сатирой, но Тод внезапно схватил меня за локоть:

– Послушай, тебе не следует соваться к Юлию. Сатира долго думать не станет...

– Спасибо за предупреждение, – я вывернулась из его цепких ладоней. – Но кто сказал тебе, что я собираюсь влезать в их взаимоотношения?... Да и потом, ты же сам говорил об этом, – я потянулась и прошептала ему на ухо: – Я же сплю со своей подругой.

Тод рассмеялся:

– Это вовсе не означает, что беспокоиться не о чем.

Проскользнув за дверцу, за которой скрылись Сатира и Юлий, я оказалась в длинном коридоре. Пол был уложен старой исцарапанной кафельной плиткой, а по сторонам коридор разветвлялся на многочисленные комнаты. Кое-где не было дверей, везде лежала пыль, с потолка свисали одинокие паутинки. Эта часть развалин совсем не изменилась с тех пор, как мы с Никки бывали здесь год назад.

Шелест ткани, отзвуки пошлой возни и всхлипы доносились из комнаты в конце коридора. Дверь там отсутствовала, и я тихонечко остановилась у входного проема, осознав, какую глупость сделала, придя сюда.

Черный френч был небрежно брошен на стопку книг, сваленных на пыльном столе. Сатира сидела на подоконнике, ногами обнимая Юлия, который сжимал её бедра, откинув длинные воланы темно-фиолетовой ткани. С трудом отрывая его руки от себя, она всё же стянула с Серого Кардинала рубашку.

На мгновение я прикрыла глаза. Тяжело вдруг стало видеть её счастливое лицо, слышать его нарастающее дыхание, шелест скользящей ткани. Но потом блондинка начала стонать всё громче, и я снова открыла глаза, чтобы не обманывать свое воображение.

На лице Сатиры отражалась сладостная агония. Тонкие цепкие пальчики оставляли на спине Юлия темные борозды садистских наслаждений. Она то целовала его, то неистово запрокидывала голову назад, позволяя Серому Кардина-

лу губами стирать белые цветы, нарисованные на её плечах.

Когда дыхание её начало сбиваться, она порывисто обняла его за плечи, словно цепляясь за последний выступ скалы перед тем, как упасть в пропасть. Взгляд Сатиры проскользнул по столику с книгами, противоположной стене и дверному проему. В животе похолодело и оборвалось, когда я поняла, что она смотрит прямо на меня. Смотрит уверенно, чуть насмешливо, со стоном закрывая и открывая глаза.

– Знаешь, Мой... Удивительный, иногда... чтобы получить удовольствие, всего лишь... нужна публика... – Ее тонкий мелодичный голос звучал прерывисто, но так легко, словно она просто запыхалась от утренней пробежки.

Юлий не ответил. Сжав рукой горло Сатиры, он целовал её губы, глаза, шею, не обращая внимания на размазанную косметику и растрёпанные белые локоны. Сатира провела мягкой ладонью вверх по его спине, оцарапала шею и запустила пальчики в длинные волосы Серого Кардинала.

Я не ушла. Опустив взгляд, заметила, как за объёмную пряжку в виде фиолетовой розы на шикарной туфельке Сатиры зацепились её черные трусики с белым кружевом.

Невероятно. Белые цветы на плечах. Белые ленты корсета. И белое кружево на нижнем белье. То, что не увидит никто, кроме него и то, что оценит каждый. Сатира не просто оделась для «обычного» вечера, она продумала и сопоставила каждую деталь в своем наряде. Всё это для Юлия?... Невероятно...

Одно движение, и трусики упали на пыльный пол. Вряд ли она вообще вспомнит потом о них. Юлий перевернул Сатиру на живот. Она без стеснения кричала в открытое окно. Кричала в звёздную, бесполезную ночь.

В памяти всплыли слова позабытого автора. «Когда вы в этом участвуете – это порнография, когда наблюдаете со стороны – эротика». Никки и я тоже были когда-то в этой комнате. На этом же самом подоконнике. Но острая любовь этих двоих так не похожа на те нежные ласки, что были между нами.

И только теперь, стоя на пороге святилища чужой любви, я понимала: правы лишь они. Страсть – это страсть, и в ней не может быть нежности, осторожности или стеснения. Именно поэтому, когда царапины на спине Юлия заживут, Сатира оставит на нём новые отметины. А сейчас это он, держа руки на её талии, сжимает пальцы так, что на теле Сатире наверняка останутся синяки. Их движения не скованны и не пошлы, они напоминают волны морского прибоя, учащающиеся с каждой минутой, подгоняемые ветром. С единственным желанием заполучить друг друга.

Примета № 3. Не возвращайтесь за забытой вещью, иначе ваш путь будет неудачным

30 сентября

Бесконечные ряды книжных стеллажей окружали меня, словно путанные ходы лабиринта. Чтобы выбрать в этом кошмаре хоть что-нибудь, нужно потратить уйму времени. Взглянув на ценник очередного бестселлера, я поняла – и уйму денег тоже. Книжные магазины всё больше разочаровывали меня. Ничего особо стоящего на полках не было видно. Чересчур часто попадались томики с эзотерикой и пособия для глупышек типа «Как выйти замуж за миллионера». Где нестандартная мистика? Где уникальная классика, которой жаждут ещё не заплесневелые мозги одиноких искателей пищи для ума?

Я с грустной улыбкой вспомнила, как в прошлом одна из моих немногочисленных подруг спросила: «А кто такой профессор Доуэль?». И, фыркнув в ответ на мои объяснения, покрутила пальчиком у виска: «Бред какой».

Она обняла меня за талию, подойдя со спины. Никки не позволила мне повернуться к ней. Плотнo сжав объятия, она прошептала на ушко:

– Я вчера звонила тебе сотню раз. Где твой телефон?

– Я вчера оставила его дома, – мне не нравилось такое начало разговора, тем более, что тон её голоса был тихим и холодно-заинтересованным.

– Раз ты оставила его дома и не отвечала, значит, самой тебя дома не было, – её легкий укус за шею можно было воспринимать и как знак примирения, и как угрозу.

Мне не хотелось лгать ей. Да и совершенно не к чему было вообще что-то сочинять:

– Я была в развалинах детского сада.

– Кого же ты там встретила? – Её объятия стали более тугими, жесткими.

– Тогда, толпу незнакомых людей, Юлия и...

– И Сатиру, да?.. – после этих слов мне пришлось вывернуться из рук Ники. Дышать в её тисках стало уже трудно.

– Что ты творишь, мне же больно! – Моё восклицание не произвело на неё никакого впечатления, она только холодно продолжала смотреть, как я сержусь и возмущаюсь, снижая голос до шепота: – Мы же в магазине, здесь люди... Можно, ты не будешь вести себя так, чтобы все на нас пялились?

Она безразлично пожала плечами:

– Смотрят, ну и что? Будь одна из нас парнем, это было бы для них в порядке вещей. Не уклоняйся от вопроса: ты встречалась с Сатирой?

Меня угнетал подтекст её слов. Нужно увести разговор от персоны Сатиры, иначе Ника всё перевернет так, что виноватой в ссоре окажусь я.

– Ты мне ответишь или нет, дорогая? – По выражению её лица было понятно: обойти острые углы не получится.

– Я видела Сатиру, это правда. И что с того? Я ведь ходила туда, чтобы увидеться не с ней.

В голове, словно вспышка, промелькнуло осознание небрежно сказанных мною слов. Проклятье! Нужно было сказать: «Я ведь ходила туда не затем, чтобы с ней увидеться». А теперь на лице Никки уже расцветала пылкая ярость. Эти маленькие красные пятнышки волнения, из-за которых я никогда не могла понять, сердится она или просто сейчас расплачется.

– Никки, но ты же видела её всего однажды, и то мельком. С чего вдруг такие выводы? – Иногда она напоминала мне глуповатую шестилетнюю девочку, какой была в детстве. Она до сих пор измеряла линейкой дружбу и ревновала к каждой необыкновенной кокетке, напрочь забывая о том, что присутствие мужчин в наших жизнях ещё никто не отменял.

– Ты пойдешь туда? Снова? – Допрос с пристрастием.

– Да, Никки, я пойду туда снова.

– К ней?!.. – Её лицо исказилось в капризной плаксивой гримасе, но остатки гордости спасли положение – она не заплакала.

– Никки...

Резко развернувшись, она бросилась к выходу из магазина.

– Никки!!!...

Скандал на пустом месте. Наверное, именно поэтому догонять её я не видела смысла. Я вообще не видела смысла во всём том, что она мне наговорила. Продолжая рассматривать яркие корешки книг, я снова и снова прокручивала ссору в голове. Казалось, если бы я нашла момент, в который следовало сказать другие слова или поступить иначе, я бы успокоилась. Но ситуация не поддавалась, Никки всегда была очень упертой. Разубедить её в чем-либо практически невозможно.

– Никогда не стоит думать о том, что могло бы быть, если бы мы в прошлом поступили бы иначе. Миллион маленьких «если бы» может искалечить то небольшое, что осталось в настоящем. – Рука с тонкой серебряной цепочкой отодвинула мою руку от очередного корешка, за который я собиралась вытащить стоящую на полке книгу.

На цепочке висело что-то маленькое, деревянное, цилиндрическое. Как пробка от шампанского, только с резными рисунками по кругу. Юлий вздохнул, одернув рукав френча так, чтобы браслета не было видно. Странный жест. Зачем тогда его носить, если не на показ?

– Не можешь выбрать книгу? – Юлий задумчиво перебирал взглядом названия тематик над полками.

– Здесь слишком часто попадают книги околорелигиозного содержания, – я не могла понять, узнал он меня или же просто решил заговорить с незнакомкой: – Все эти экстра-

сенсы, целители, предсказатели, маги...

На лице Серого Кардинала появилась острая улыбка, которая так идеально подходила к его удивительным глазам индейца:

– Не любишь магов? Почему?

Я покачала головой:

– Сплошной обман. Большая часть из них – ничего не представляющие из себя пустышки, делающие вид, что в них есть нечто особенное. Знаешь, достаточно небольшой кучки мелких, но бросающихся в глаза деталей внешнего облика и пары слухов о неизвестном, несчастном или туманном прошлом, и вот люди уже интересуются твоей личностью, как будто ты сотворил чудо по спасению Вселенной. А ты всего лишь солгал.

– Как критично, – Юлий рассмеялся, от чего мне захотелось стать маленькой-маленькой и уползти под стеллаж с книгами. – Знаешь, Кнопка, ты рассуждаешь как все.

Вот как. Он всё же узнал меня. Значит, можно завязать более дружественный разговор, чем обсуждение эзотерики.

– Ты часто ходишь в этот магазин? – Задав этот вопрос, мне почему-то вспомнились школьные уроки английского, где мы заучивали стандартные фразы для построения книжных, неживых диалогов. Мои слова прозвучали так, словно я говорила штампами, нарубленными в детстве на уроках чтения и письма.

– Да. А ты? – Ответил он мне таким же штампом. Разве

что только голоса не хватало электронного.

Мне до жути захотелось ответить штамповкой типа «Я тоже часто хожу в этот магазин. Давай ходить сюда вместе», но я удержалась. Он снова рассмеялся и протянул мне две книги, которые держал в руке:

– Раз уж ты ничего не можешь выбрать, возьми это.

Я приняла книги и взглянула на обложку. Зигмунд Фрейд «Психоанализ конечный и бесконечный». Вторая – он же, «Толкование сновидений». Фрейд?!

Протянув ему книги обратно, я обиженно надулась:

– Не стану я это читать. Все говорят, Фрейд – извращенец.

Но Юлий уже засунул руки в карманы, не собираясь ничего у меня забирать. Он недовольно сощурился, тихо спросив меня, словно его никто не должен слышать:

– Все говорят... А что думаешь ты?

– А я думаю, что мне не стоит тратить время на чтение этого.

– Напрасно, – Юлий пожал плечами. – Книги уже оплачены, так что можешь оставить их себе. Будешь демонстрировать их друзьям, хотя бы делая вид, что ты наплевала на общее мнение.

Мы шли молча, не обговаривая маршрут. И это было ни к чему – пункт назначения был и так понятен. Юлий не вынимал руки из карманов. Так странно: сегодня более ветреный день, чем вчера, но ни одна пуговица на его френче не застегнута. А вчера вечером он шел, укутавшись так, словно

на асфальте уже лежал иней.

В Доме, Где Никогда Не Запирается Дверь нас уже ждали. Вернее, ждали его, Серого Кардинала. Сатира подобрала в воздух багровые бархатные лепестки нежных цветов, как только мы вошли. Увидев меня, она состроила недовольную гримасу, которая в мгновение испарилась, едва она перевела взгляд на Юлия:

– Выгуливал Кнопку?

Он как-то с натяжкой ухмыльнулся и, подойдя к ней ближе, нежно провел тыльной стороной ладони по её шее:

– От цветов что-нибудь осталось?

Её глаза загорелись и, отвечая ему, она смотрела на меня:

– Изумительный букет. Благодарю тебя. – чмокнув его в щеку, она помчалась в Песочную Комнату, на ходу отрывая лепестки от нескольких роз, что были в ее руке, и подбрасывая их вверх.

Серый Кардинал, тихо смеясь и качая головой, направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Тод остановил меня, когда я намеревалась пойти вслед за ним:

– Сатира недовольна.

– Плевать мне на Сатиру.

– Было бы плевать, ты не отвечала бы шепотом, боясь, что кто-то может услышать.

Его слова рассердили меня. Я решительно направилась в сторону Песочной Комнаты. Мне и самой было непонятно,

зачем я это делаю, но в голове крутилась идея «Сейчас я ей всё выскажу!».

– Стой! Зачем? – Тод споткнулся и не смог меня удержать.

Распахнув дверь, я увидела Сатиру. Присев на пол, она отрезала с катушки тонкую черную ленту, предназначенную для упаковки подарков. Огромное количество стеклянных сосудов разной формы стояло на полу, подоконнике, на стопках книг. Во многих красовались перевязанные лентами букетики темно-красных роз. А асбестовая ткань пола была буквально застелена беспорядочно лежащими багровыми цветами. Перевязав очередной букет, Сатира начала собирать новый из роз, лежащих на полу.

Я ещё раз посмотрела на букеты. Стояли они в чем попало. Она использовала и прозрачные вазочки, и простые банки, и высокие бокалы, и какие-то колбочки и пробирки, напоминающие мне школьный кабинет химии.

– Я собрала всё, что было стеклянного, – словно читая мои мысли, сказала Сатира тоном наивной девочки. – Но если ты найдешь ещё что-то, то принеси это мне, прошу.

Пока я пыталась сообразить, что ответить, она наслаждалась моим удивлением:

– Это было, когда я проснулась, а Юлий уже ушел. Столько цветов, я принесла их сюда. Я была в таком восхищении, что рассыпала все до единого. – Она подняла голову, внимательно посмотрев на меня, будто сказанные ранее слова предназначались вовсе не мне. – А тебе, Кнопка? Тебе ко-

гда-нибудь дарили столько цветов утром?

Тод буквально выдернул меня из комнаты за руку, и под громкий издевательский смех Сатиры потащил в одно из ответвлений коридора, где пол был уложен кафелем.

Комнатка была маленькой, но с мебелью. Только когда я устало села на маленький диванчик, заметила, что всё ещё сжимаю в руках книги, «подаренные» мне Юлием.

– Что ты лезешь между ними, зачем тебе это нужно? – Тод присел рядом, аккуратно смахнув рыжие локоны, упавшие на моё лицо.

– Она же совсем меня не знает. Почему она со мной так?..

Тод, вздохнув, облокотился на спинку диванчика:

– Это Сатира, она со всеми такая. – Затем он снова наклонился вперед, чтобы взглянуть мне в лицо. – Ты на ее место метишь или мне показалось?

Я резко обернулась к нему:

– Что?!..

– Ну, в смысле, поближе к Юлию, подальше от Никки?

– Плохая шутка.

– Ну, тогда ладно.

Он встал с дивана, и подошел к столу, на котором лежали тонкие бамбуковые палочки. Щелкнув зажигалкой, поджёг одну из них. Легкий дымок потянулся вверх, к потолку.

– Ты собираешься этим дышать? – Мне вспомнился вчерашний вечер – Комната Там-Тамов, наполненная теплыми дымными запахами и плавающими в них звуками.

– Не совсем, – он небрежно улыбнулся и снова присел рядом со мной на диванчик, протянув мне тлеющую палочку. – Я хочу, чтобы вдохнуть это попробовала ты.

– Зачем? – Мне вдруг стало не по себе. Идея глубоко вдыхать дым благовоний из рук Тода казалась мне небезопасной.

– Просто попробуй. – Его лицо выглядело простым и бесхитростным: – Ведь ты никогда так не делала, верно? Лучше сделать и жалеть, чем жалеть и не сделать.

– Этим выражением можно оправдать даже самые грязные проступки, знаешь ли. – Я всё же взяла из его рук бамбуковую палочку и осторожно вдохнула небольшое количество дыма. Дым обжег горло, захотелось пить.

– Нет, – Тод отрицательно покачал головой: – Вдохни его так, будто бы ты просто дышишь. Давай...

Горло защищал сухой мандариновый вкус, но ощущение было приятным, словно вместе с дымом я вдыхала жаркое тепло солнца.

Тод поджег ещё одну палочку и, закашлявшись, затянулся дымом сам:

– Я обычно предпочитаю просто курить. Но этот пафос придумал Серый Кардинал, а все остальные повторяют за ним, как мартышки. И я в том числе.

Юлий... это придумал Юлий... Я снова втянула дым. Было приятно выдыхать его через нос. Тод, затянувшись поглубже, начал смеяться, и дым выходил у него изо рта небольшими резкими клубами, словно из трубы мультяшно-

го паровоза.

Сложности начались, когда я поняла, что комната начинает медленно плыть перед глазами. Движения рук стали непослушно-автоматическими.

«Просто нужно собраться и придти в себя. И уходить отсюда» – подумала я. Но, закрыв глаза, чтобы собрать мысли воедино, я поняла, что это невозможно. Как только веки мои опускались, голова с неизвестной мне ранее скоростью начинала кружиться четко по часовой стрелке и чем дальше, тем быстрее.

Захотелось подняться, но я не смогла. Меня удерживала левая рука Тода, небрежно обнимавшая мой живот, чуть-чуть залезая под джинсы. Мне этот жест был не вполне понятен. Интересно, и давно это он меня обнимает?

– Тод, мне бы уже... – Что-то в выражении его лица меня напугало, от чего немного прояснилось в голове. – Я пойду.

Но он дружески обхватил меня за плечи, убрав руку с живота:

– Слушай, успокойся. Я тут кое-что придумал, – его рука с плеч соскользнула мне на спину, залезла под майку. Тод нежно поглаживал меня по линии позвоночника. – Раз уж я всё перепутал, и ты не собираешься вешаться на Юлия, так, может быть, ты немного побудешь со мной?

От его ласк мне захотелось с грохотом упасть на пол, но я удержалась:

– Не забывай: у меня есть Никки.

– Да? – Одним движением руки он расстегнул лифчик, потом стянул ляпочки с моих плеч. Спустя мгновение бельё было вытащено из-под майки как что-то естественно лишнее.

Слишком маленький для двоих диванчик стеснял движения. И пока Тод непослушными руками стремился подмять меня под себя, я свалилась на пол, звонко ударившись головой. Боль несколько прояснила ситуацию.

– Прости, Тод, это глупость, – я с трудом поднялась и дошла до двери, стараясь не раскачиваться на ходу.

Только когда я уже устало переставляла ноги по кафельному полу коридора, вспомнила: лифчик, наверное, остался на диване. Возвращаться за ним смысла не было. Что это нашло на Тода? Ещё вчера он говорил, насколько я для него бесполезна, а сегодня... Или это просто действие дыма, закрытого помещения и тесноты диванчика?

В Комнате Там-Тамов я остановилась и присела на барабанную плоскость. Нужно было собраться с мыслями, чтобы спокойно придти домой. От благовоний меня шатало из стороны в сторону, днем идти в таком состоянии по улице было бы странно.

Я закрыла глаза, позволив сознанию кружиться, подобно снежинкам в Новогоднюю ночь. Огромное количество маленьких колючих моментов моей жизни танцевало в памяти. Ощущения и картинки вальсировали, выделявая такие пируэты, что меня начало подташнивать.

Кто-то, присев на пол напротив, обнял меня за ноги, положив голову мне на колени. Открыв глаза, я увидела, что это Ника.

– Я пришла, чтобы забрать тебя отсюда, – её голос был больше просящим, чем утвердительным. Словно это Никки спрашивала у меня, зачем она сюда пришла.

Её глаза просили прощения. Или не прощения, а чего-то другого, я просто не была в состоянии сейчас понять. На минуту меня охватил стыд, что она видит меня в таком состоянии, растрепанную, с размазанной косметикой и расширенными от благовоний зрачками. Но потом я поняла: Никки посчитала, что сама виновата передо мной, и сейчас она не собирается упрекать меня в чём-то.

Размышления прервал стук каблуков на втором этаже. Затем раздался громкий смех Сатиры, и всё стихло.

Значит, в Песочной Комнате никого нет. А Тод давится неудачей на маленьком диване.

Я схватила Никки за руку и потащила туда, где мы впервые увидели Сатиру и Юлия. Ника не сопротивлялась, и было не так уж важно, о чём она думает.

Мы вдвоем упали на большие подушки у окна, наверное, отброшенные Сатирой, когда она расставляла по комнате цветы. Лежащая на спине Никки была мягкая и послушная, как пластилин. Я целовала её шею, спускаясь ниже, к груди. Нетерпеливо расстегнула её нелепую рубашку, облизнув животик. Мне никогда не нравился пирсинг в пупке, я боялась

случайно зацепить его и причинить ей боль. Кроме того, металл неприятен на вкус.

Однако сегодня колечко с длинной подвеской из звездочек, пронзающее её кожу было очень кстати. Я прикусила одну из звездочек и потянула сережку на себя. Недовольно протонав что-то неразборчивое, Никки приподнялась. Так было удобнее стянуть с нее джинсы.

Когда синие штаны из грубой ткани уже валялись где-то в углу, я чуть отдалилась от Никки, чтобы в очередной раз убедиться, насколько она чудесна.

Передо мной на подушке полулежала смуглая девушка с рассыпанными по плечам темными волосами. Расстегнутая белая мужская рубашка приоткрывала небольшую аккуратную грудь. Она не была полненькой, скорее, просто аппетитной. Как она может носить такую мужскую невзрачную одежду? Зачем? Ведь я знала, что раздевая её, под всеми этими грубыми мятыми вещами найду теплое нежное тело. Найду бархатное спокойствие, которое я так любила обнимать утром, когда просыпалась рядом с ней.

И это милое, в сине-белую клетку белье из хлопка так необыкновенно идет ей.

Так необыкновенно, что мне от всего этого тепла и комфорта вдруг стало тошно. Мне захотелось ударить Нику. За то, что она всегда такая нежная и послушная. За то, что она всегда одинаковая, всегда верная, всегда сладкая... Я не успела понять, увидела ли она разочарование в моих глазах.

Противореча собственным желаниям, я поцеловала её, с закрытыми глазами на ощупь ища застёжку этого почти детского нижнего белья.

Дверь резко открылась, и в комнату, словно запыхавшись, влетела Сатира. Её удивление длилось всего секунду, затем лицо расплылось в широчайшей улыбке, а глаза засияли восторгом:

– Браво! Браво! – Она зааплодировала нам, заливаясь громким издевающимся смехом.

Мы обе так и застыли на полу, остолбеневшие от её неожиданного появления. Я, сидя на ногах Никки, не могла найти способ вывернуться из неловкой ситуации.

И едва я раскрыла рот, как Сатира опередила меня. Она швырнула мне что-то, что держала в правой руке:

– Лови, Кнопка, ты забыла!

Глаза моей подруги наполнились слезами, когда она увидела, как на пол перед нами упал испачканный в пыли лифчик, оставленный мною в комнате Тода.

– Никки...

Я не успела договорить, она грубо столкнула меня:

– Слезь с меня!

Собрав последние силы, я поднялась на ноги, подняла брошенное мне белье и яростно швырнула его в Сатиру. Она мгновенно отвернулась. Неконтролируемое желание выдрать ей все волосы переросло в бешенство, я кинулась к дверному проему. Но когда Сатира снова взглянула на меня,

мои ноги сами не захотели двигаться с места. От мочки уха к виску с левой стороны ее лица тянулась красная полоса, и яркие капельки крови скапливались на ней, едва-едва не срываясь вниз. Должно быть, она не успела вовремя отвернуться, и с силой брошенный лифчик застёжкой оцарапал ей лицо.

Что я наделала...

В проеме двери возник Тод с нахальной маской на физиономии:

– Ну что у вас, кошачья драка?

Медленно, Сатира сделала шаг ко мне, несколько алых капель при этом сорвались, прочертив на её лице параллельные линии и соскользнув на плечо.

Я отступила. Оттолкнула Тода и бросилась прочь из этого дома.

Было даже странно ощущать чувство вины. Казалось бы, за что? Она сама виновата, она наглая, самоуверенная, бездушная кукла без тормозов. Как можно делать вещи, которые делать просто нельзя?!..

Сырая трава в парке возле дома едва ли заметила, что становится ещё более мокрой от слез, капающих из моих глаз. Свернув с тропинки, я завалилась лицом в землю под деревом, которое шуршало зелеными ещё листьями, словно не желая слушать мой плаксивый вой. Так я пролежала в траве и листве до заката, в воздухе витал запах плесени и дождя. Осени. Никто не разбудил меня, когда сон застелил моё но-

ющее от боли сознание.

Примета № 4. Лгать можно, нужно лишь держать пальцы «крестиком»

Утро 7 октября

Раннее утро было чересчур свежим. То ли действительно наступала осень, то ли ночной дождь оставил на улице сырость и запах озона.

Когда я вошла в Дом, Где Никогда Не Запирается Дверь, там было тихо. Едва слышные голоса раздавались из Песочной Комнаты. Они не спорили, а скорее просто неспешно болтали. Я и не ожидала найти здесь такое умиротворение. Казалось, при первом моем шаге всё взорвется и обрушится на мою бестолковую голову как кара за тот невежливый, последний уход. Побег, если быть честной.

Но вот шаг сделан, и нет ни взрывов, ни воплей, ни осколков, ни грохота рушащихся стен. Никто и не заметил, что я посмела придти сюда вновь.

В Песочной Комнате всё было на своих местах. Юлий, прислонив подушку к стене, навалился на неё спиной и положил ноги на небольшую стопку книг. Он был в тёмно-синей майке и изодранных джинсах. Закинув руки за голову, Серый Кардинал с закрытыми глазами слушал разговор своих гостей, чувствуя себя полноправным хозяином дома.

Тод медленно ходил из стороны в сторону, рассуждая вслух, иногда помогая себе высказаться бесконтрольными жестами:

– Понять это не сложно, нужно всего лишь попробовать. Лучше сделать и жалеть, чем жалеть и не сделать. А я не жалею. Мне кажется, я даже цвета стал воспринимать иначе – ярче, выразительнее. Стало приятно открывать глаза, смотреть на этот Мир, который на самом деле красив.

– Но ты же не художник, Тод, не художник... – Ему возражал незнакомый мне парень, сидевший на полу: – А если бы ты присмотрелся к Миру, то увидел бы, что живем мы все в помойной яме, где даже дышать противно. И все эти теории о Тотеме – сплошная ересь, потому что ничто так не разрушает жизнь как понимание, зачем ты живешь и для чего. Продолжай любоваться цветными картинками, Тод, продолжай... Я лишь не понимаю, для чего тогда тебе нужен был Тотем, ведь получается, что ты принял его напрасно.

Тотем?..

Этот человек говорил удивительным голосом. Бас, смешанный с мальчишеским криком. Одет он был в клетчатую рубашку поверх белой майки и ветхие джинсы. Сидя на полу, он вытянул одну ногу и согнул другую, упершись локтем в колено. Скорее всего, парень был очень высоким: он напоминал согнутую металлоконструкцию. С первого взгляда было заметно, что он немного сутулится.

Я нерешительно остановилась в дверном проеме.

– Впервые слышу, чтобы кто-то, употребляющий наркотики, рассуждал о напрасных поступках других людей. – Тод вдруг озлобился, словно собеседник был прав.

В разговор вмешался Юлий:

– Если ты хочешь задеть его, то не получится. – Он сонно поднял взгляд на меня: – Доброе утро, Кнопка. Тебя давно не было. Проходи.

Внутри всё похолодело, но как можно не принять приглашение Серого Кардинала?

– Знакомься, – Юлий указал на странного человека: – Этого ленивца зовут Наркоман.

Наркоман посмотрел на меня безразлично-потухшим взглядом:

– Мне жаль их. Ещё одна твоя марионетка?

– Ну... – Осуждающе протянул Серый Кардинал: – Ты не должен так говорить. И о Тотеме тоже.

– Да я вообще здесь ничего говорить не должен, – Наркоман удобно улёгся на спину, подобно Юлию подложив руки под голову: – Я же лишний.

– Брось. Одиночество же... Эх, то есть Фред, – Юлий раздраженно поднялся и подошел к окну: – Мне не надоело, но я хотел бы оставить сейчас всё как есть и просто остановиться.

– Ты не можешь, – на лице Наркомана играла довольная улыбка: – Кроме того, они совершенно не понимают, о чём мы говорим. Эй, как там тебя... Кноп... ка. Кнопка, спроси у Юлия, что тебя заинтересовало в нашем разговоре.

Юлий повернулся ко мне лицом, и я нерешительно взглянула на него.

– Ну же? – Серый Кардинал пристально смотрел на меня.

– Что такое Тотем? – С трудом выдавила я.

Наркоман засмеялся, а Юлий с облегчением вздохнул:

– Это такая магическая вещь, Кнопка. Ты веришь в магию? Нет, не веришь. А между тем, я нашел способ, как сделать наше сознание более восприимчивым и широким. Для этого и нужен Тотем.

– И как это работает? – Мне не была понятна его мысль.

– В тебе сосуществует два «Я». Твое сознание и твоя душа...

– Три, по Фрейду.

– Закрой рот, – заткнул меня Юлий и продолжил, отвернувшись к окну. – Душу можно заточить в Тотем. Ты уже видела у меня такой на запястье, – он поднял руку, демонстрируя браслет с маленьким резным деревянным идолом-уродцем: – Душа живет вне тела, а это – дополнительные возможности. Ты начинаешь чувствовать, ощущать Мир, в котором живешь, более полно. Обостряется интуиция, ощущение времени, чувства... иными словами, меняется всё.

Наркоман, лежащий на полу, перебил его на полуслове:

– Что же ты тогда своей девчонке Тотем не дашь, скажи мне? Если всё так прекрасно, так хорошо, что можно слюни пускать, – Наркоман приподнял голову и зло посмотрел на Юлия: – Почему же ты её не сделаешь такой же, как они?

Вместо ответа Серый Кардинал отрицательно покачал головой, по-прежнему смотря в окно.

– Это не по правилам, – сказал Наркоман.

– Правил нет. – Голос Юлия прозвучал опустошенно и грустно.

Стоя посреди комнаты и не понимая, о чём говорят эти двое, я рассматривала лицо своего нового знакомого.

Высокие скулы, белая кожа. Отросшие русые волосы закрывают уши и лоб. Строгое, чуть грубоватое лицо, словно вытесанное из камня, объемный подбородок. Широкая, красивая улыбка. Но только она и привлекала внимание, если не считать чудных голубых глаз со светлыми ресницами. Только глаза его чаще всего были закрыты русой челкой, так что оставалась только улыбка.

– Я не могу сделать Сатиру такой, как все остальные, я не могу дать ей Тотем. – Юлий заговорил тихо, но комната и так была полна молчания, поэтому каждое его слово было отчетливо слышно. – Она мне обещала всегда такой быть. Не как все остальные. Это то, что держит нас вместе. Когда мы познакомились, она сразу спросила меня, какую девушку я хотел бы видеть рядом с собой. Она тогда ещё и Сатирой-то не была. А другой, совсем другой. И вот я ей описал свой идеал: послушная и тихая, не спорящая, всегда ждущая и верная – ну, как стандартная домохозяйка, что ли. А она взяла и сделала всё наоборот. Большая половина того, что она делает – это розыгрыш, комедия. Но ведь все в это верят.

Да и я сам перестаю со временем различать, какие выходки её собственные, а какие она проделывает для поддержания своей роли. Иногда, даже наперекор её собственной, живой натуре. – Юлий повернулся к Наркоману, его голос стал тревожным, убедительным. – Она ещё больше кукла, чем все остальные, но она живая кукла. Кукла с душой. Она не боится выглядеть смешно и глупо, потому что знает, что в этом и есть смысл игры. Совершать абсурдные поступки, но уметь обыгрывать их перед другими так, чтобы все поверили, что это нормально, что так и нужно, что всё правильно. Она с этим сталкивается каждый день, она актриса, у которой выше всех жанров идет импровизация, потому что иначе меня бы рядом с ней не было. И я благодарен ей за то, что она может удержать меня рядом с собой.

– Ммм... Богиня... – Простонал Наркоман: – Как же ты из всего этого выпутываться будешь, друг?

А Юлий словно не слышал его слов, он с умилением уже рассказывал самому себе:

– Она даже привычки для себя придумала глупые. И фобии. Боится запаха больниц. И зиму. Она вообще зимой на улицу не выходит, моя Сатира.

Мы с Тодом переглянулись. Я вопросительно подняла брови. Он едва заметно пожал плечами.

Вошедшая в комнату Сатира обнаружила полную тишину. При её появлении Наркоман снова сел в то же положение, в каком его застала я.

– Молчите так, будто говорили обо мне, – Сатира нежно обняла Серого Кардинала и, приподнявшись на носочки, поцеловала его в подбородок.

– Мы говорили о тебе. Помнишь Наркомана? – Юлий кивнул в его сторону, и вместе с Сатирой уселся на полу. Она устроилась позади него, обняв Юлия со спины руками и ногами. Тонкие шпильки едва не пронзали его живот.

Я невольно посмотрела на свои безопасные и удобные балетки.

Сатира была в короткой юбке. В чересчур короткой для положения, в котором она сейчас сидела. Черно-синий шёлк в клетку свободными волнами ложился по вихрям упругой черной сетки, которая придавала юбке объем. Корсета сегодня не было. Грудь была перевязана ярко-синим атласным шарфом, кончики которого выглядывали из-под крохотной белой рубашки, подобранной строго по фигуре. Рубашка была застегнута лишь на две пуговики чуть ниже груди. Сатира была стройной, но не миниатюрной, и всё же, её вполне можно было бы принять за роскошную дорогую обворожительную куклу в человеческий рост.

Стоя рядом с Тодом, я чувствовала дискомфорт. К Богу пришла его Богиня. Царапина на её лице уже совсем затянулась, но в том, что Сатира помнит о нашем столкновении, я не сомневалась.

Вдруг Тод осторожно толкнул меня локтем и взглядом указал на Сатиру. Она весьма приветливо улыбалась Нарко-

ману, обольстительно поигрывая глазами. И пока Юлий разговаривал со своим другом, она подмигнула ему. Наркоман ответил.

Во мне зародилось странное чувство. Внутренний голос протяжно-сладко жалел Серого Кардинала: «Тебя обманывают, Юлий. Но ничего. Я окажусь рядом, когда будет нужно. Я помогу. Я подберу тебя, если так случится, что ей ты станешь не нужен. Я никогда не оставлю тебя. Я всегда смогу тебя понять. Я такая же, как и ты. Как ты...».

Я – жалкое, циничное, мелочное существо.

– Мне пора, – прервал мои мысли Наркоман.

– Да, ты прав, – тон голоса Юлия стал чуть холодноватым. Враждебным.

Когда Наркоман проходил мимо меня и Тода, он даже слова не сказал на прощание. Словно мы были декорациями, являющимися частью заднего плана. Не заметил. Не счёл нужным обратить на нас внимание.

Сатира слетела со спины Юлия, как только захлопнулась входная дверь дома. Она села напротив Серого Кардинала, демонстрируя ему запястье левой руки. На нем было столько металлических звенящих подвесками браслетов, что я удивилась, как она вообще может поднять руку. Сатира с восторгом восклицала:

– Посмотри, вот этот мне нравится, на нем звездочки... а здесь розы, затертые под старину! Смотри, этот серебряный, на нем подвеска в виде листочков клена, а на этом в виде

цветков незабудки с синей эмалью... Юлий, тебе не нравится?..

Он серьезно посмотрел на нее:

– Какие у тебя дела с Наркоманом?

Я вспомнила, что уже видела эту её реакцию на трудности, которые стоит обдумать: морщинки на секунду собираются на лбу и снова расправляются. На этот раз их сменяет маска обидчивого недоумения. Но теперь-то я знаю то, что знает и Юлий: это всего лишь маска. Даже голос её не выдавал:

– С Наркоманом? Любимый, ты ревнуешь?

Стоило просто посмотреть в лицо Серого Кардинала, чтобы понять: на данный момент шутки не уместны.

И она поняла:

– Ничего. – Сухо, без всякого флирта, смеха и игры.

– Хорошо.

Серый Кардинал поднялся, чтобы выйти из Песочной Комнаты. Тод заспешил следом. Теперь только я исполняла роль немой декорации.

– Ты что, сердисься? – Сатира задала вопрос уже с улыбкой, игриво поправляя коротенькую юбку.

– Нет. Мне понравился синий, с эмалью. – Он даже не повернулся, чтобы ответить ей. Следующие слова предназначались мне, но смотрел он куда-то вперед, рассредоточенный взгляд Юлия выдавал его задумчивость: – Сегодня будет интересно. Проведем какой-нибудь обряд. Ты же не веришь в магию. Приходи вечером. – Он вышел, сопровождаемый То-

дом.

На минуту мне показалось, что всё обошлось.

Сатира медленно поднялась и прогулочной походкой направилась ко мне. Взглянув ей в глаза, я не увидела ненависти, злости. Ничего, что могло бы меня отпугнуть.

Она дала мне пощечину так уверенно, будто она не исполняла роль, а действительно была той, кем казалась. В любом случае, я понимала: она права. Как бы странно это ни смотрелось на первый взгляд. Сатира, как никто другой, понимала, что я до сих пор делаю здесь, зачем я вернулась.

Она тоже вышла из комнаты молча, оставив меня наедине со своими размышлениями и с опущенной головой.

Примета № 5. Разбитое зеркало предупреждает о скорой смерти близкого человека

Вечер 7 октября

Наступившие сумерки невольно расставили всё по своим местам.

Когда я вошла в дом, ни намёка на тишину не было. Разношерстая толпа галдела, курила, жгла благовония. Серый Кардинал, как ни в чем не бывало, сидел на одном из Там-Тамов. Сверху на нём устроилась Сатира, непрерывно облизывая и кусая его – то за губы, то за нос, за уши. А Юлий, ни на кого не обращая внимания, запустил руки под ее короткую волнистую юбку.

Здесь был и Наркоман. Я едва не столкнулась с ним, когда входила в дом. Но он не обратил на меня внимания, проломился в дверь, словно меня и не было.

– Эй, Кнопка, верни его обратно! – Выкрикнула мне Сатира, оторвавшись на минуту от Юлия.

Грубовато. Но, всё же, я вышла следом за Наркоманом. Он стоял недалеко от дома и, широко по-детски раскрыв рот, смотрел на звёздное небо. Мне вспомнился наш разговор с Тодом, и ночь сразу же перестала казаться такой необыкновенно красивой. Нам обоим под этим небом было не место.

– Какие чудовищные звёзды, – сказал он вслух неизвестно кому, и только спустя минут пять после этого обернулся ко мне.

Обернулся за секунду до того, как я дотронулась рукой до его плеча:

– Наркоман? Не уходи, ты...

– Я знаю, я слышал голос Сатиры.

– Давай вернёмся в дом.

Но он указал пальцем в небо:

– Ты тоже видишь такие звезды?

– Да, я вижу...

– Не, вот эти, – он продолжал упрямо тыкать пальцем вверх, повторяя своим удивительным голосом: – Такие звёзды, вот эти!..

– Я вижу, вижу, пойдём, а?

– Да посмотри же ты на звёзды! – Он стал сердиться, и я, не зная, что мне делать, тоже задрала голову вверх.

– Ну да, звёзды. Всё как всегда.

– Ааа... – Он устало махнул на меня рукой и как-то диковато побрел к Дому, Где Никогда Не Запирается Дверь.

А я ошарашено продолжала стоять, смотря то на небо, то на уходящего парня. Понадобилось несколько минут, чтобы я поняла произошедшее. Все зовут его Наркоманом. Значит... Наркоман и есть наркоман?.. Он просто что-то принял, и теперь видит звёзды «несколько иначе».

Успокоив так саму себя, я направилась к двери. Обста-

новка изменилась. В Комнате Там-Тамов уже никого не было. Они ушли куда-то, оставив после себя сумрачные вихри одурманивающего дыма. Комната была наполнена оранжевым светом тусклых свечей. Всё это производило угнетающее впечатление. Особенно появление Сатиры из-за двери Песочной Комнаты.

Но она обратилась ко мне так, словно мы никогда и не были врагами:

– А где твоя подруга? Почему ты одна?

Ее спокойный сдержанный голос меня удивил. Не было ни намека на издёвку.

– Никки не хочет приходить сюда.

– Вы с ней поссорились, Кнопка? – Сатира сочувственно изогнула брови: – Прости, привязалось к тебе это прозвище.

– Ничего, – я покачала головой: – По правде говоря, мы не общались с Никой уже неделю. С того самого случая.

– Почему? Моя гадкая шутка испортила ваши отношения? – Ее глаза не лгали. Сатира была сейчас на самом деле искренна и проста в общении.

– Ты лишь вывернула всё наружу. Слишком многое между нами перекрутилось, перегорело. И Тод в тот день сошел с ума. Предложил мне секс...

Она печально улыбнулась, склонив голову набок:

– Он часто суётся туда, куда не следует. И понятия неприкосновенности для него не существует, теперь ты знаешь. Не позволяй ему лезть в твою постель, он ведь даже грязную

обувь не снимет.

– Вы бы хоть не забывали, что я всё ещё здесь. – Возмутилось тело, лежащее на барабанах, раскинув руки в стороны. Наркоман так удачно вписывался в интерьер комнаты, что был незаметен. И если бы он не подал голос, ни Сатира, ни я так и не узнали бы, что нас кто-то нечаянно подслушал.

– А ты бы убрался к Юлию, пока они не начали обряд! – Ее голос звучал рассерженно.

– Только после дам! – Наркоман, довольный тем, что ему удалось досадить хозяйке дома, взмахнул руками, одним рывком поднимаясь с Там-Тамов: – По следам!

Сатира навела порядок всего двумя жестами: щелкнула пальцами и указала Наркоману на дверь, ведущую в кафельный коридор. В ответ на его неадекватную улыбку, расплывающуюся всё шире, она повелительно добавила:

– Быстро!

Состроив раздосадованное лицо пятилетнего мальчика, Наркоман вяло поплелся в указанном направлении.

Дверь закрылась, и Сатира уже кивком пригласила меня последовать за ним. Пропустив меня вперед, она лишь легонько дотронулась ладонями до моих плеч, прошептав своим неземным голосом:

– Ты заинтересовала меня. И теперь тебе не стоит меня слушать.

Когда мы входили в коридор, я услышала, как она глубоко и нервозно вздыхает позади меня. Может быть, я понадобил-

лась ей как живая передвижная ширма. На мгновение спрятавшись за моей спиной, Сатира вошла в свой привычный образ.

– Мы не можем решить, какой обряд нам провести, – Обратился Серый Кардинал к Сатире. – Лично мне хочется чего-то банального, детского. Самые страшные кошмары за рождаются в детстве и навещают нас потом всю жизнь. В образах друзей, прохожих... – Он на минуту задумался, поняв, что слишком увлекся рассуждениями. Затем добавил: – Но мы сделаем так, как захочешь ты.

Сатира сдвинула меня в сторону, проходя по коридору нарочито кошачьей походкой. Она шла к Юлию, чтобы снова стать не самой собой.

– Раз уж хочется детства тебе, Мой Удивительный, сыграем в одну забавную игру. Я делала так, когда была малышкой. Идем, нам нужны книги.

Немногие любопытствующие, включая меня, направились следом за ними в последнюю комнатку коридора – туда, где стоял стеллаж с потрепанными томиками. Большинство, заскучав, остались стоять – кто прислонившись к стенам, кто в дверном проеме, кто сидя на полу. Все комнаты сегодня были открыты, за исключением двери напротив библиотеки.

Блондинка провела ладонью по пыльным корешкам:

– Называй номер полки, номер книги в ряду, страницу и номер строки.

– Четное число – нехорошо. – Поморщился Тод.

– Я не к тебе обращаюсь, – Сатира даже не взглянула на него, пристально, с улыбкой следя за выражением лица Серого Кардинала: – Называй.

– Три, одиннадцать, двадцать три, четыре.

Она быстро нашла книгу и, распахнув ее на названной странице, игриво прочла вслух фразу, показавшуюся мне в исполнении Сатиры жуткой:

– «Мэри, Мэри, что растет в твоём саду?» – Её сумасшедший смех заставлял невольно вздрагивать остальных.

– Отлично! – Серый Кардинал подошел к столу и, сметя с него стопку увесистых книг, поднял небольшое, в четверть столешницы, зеркало: – Сатира, там, на стене, есть ещё одно, ты знаешь, в чёрной раме.

Сатира вылетела из библиотеки, и толпа ринулась за ней. Всё это происходило быстро, суматошно, ярко. Как у детей, увлеченных лишь им одним понятной игрой.

На зеркалах рукой Сатиры красной помадой были нарисованы непонятные знаки. А может, она просто не умела рисовать...

Они с Юлием стояли по разные стороны коридора, ловя отражение зеркал в руках друг друга. Толпа разошлась по дверным проходам, углам, комнатам. Люди старались не мешать. Я с небольшой группой незнакомцев стояла за спиной Серого Кардинала. Наркоман, скрестив руки на груди, находился в ближайшем к нам дверном проеме. Он, кажется, уже начинал приходить в себя после дозы наркотика.

Серый Кардинал внимательно следил за отражением в зеркале Сатиры. Когда им удалось создать в отражениях коридор зеркал, в комнате чуть похолодало; стекло в руках Юлия треснуло, а потом посыпалось на пол градом острых длинных осколков.

Сатира медленно положила свое зеркало на пол. Довольно улыбаясь, она оглядывалась по сторонам.

Мне стало действительно жутко лишь тогда, когда в коридоре раздался мелодичный холодный смех, который принадлежал вовсе не Сатире. Это словно бы был смех маленькой девочки.

Все мгновенно перевели взгляды на одну из дверей комнат, которая была закрыта. Но это не была комната в конце коридора. Она располагалась почти в центре, и возле нее никто не стоял.

Предупреждающе прижав палец к губам, словно прося сохранять тишину, Сатира подошла к закрытой двери, резко распахнула её одним движением:

– Входи, Мэри, поиграй с нами!

Раздался ещё смех, на этот раз из темного угла коридора. Я понимала, что всё это может оказаться лишь банальным дурацким розыгрышем, но происходящее всё равно сводило с ума, заставляя вспомнить, как в детстве мы вызывали Пиковую Даму, искренне веря, что если не стереть вовремя ступеньки, нарисованные на зеркале, то всех нас задушат страшные чёрные руки ведьмы.

Детские страхи всплывали вновь, взрослея вместе со мной. И не на что было опереться в окружающей действительности.

Приглушенный неразборчивый шепот раздался где-то в конце коридора, и незнакомая мне высокая девушка отчаянно закричала, схватившись за голову, словно кто-то яростно растрёпывал ей волосы. Несколько друзей бросились ей на помощь, и через пару минут в коридоре снова повисла немая тишина, нарушаемая лишь редкими всхлипами жертвы.

Тягостно было не понимать, что происходит. Назойливый холодный сквозняк поглаживал меня по шее, забираясь под одежду. Сделав несколько шагов, замерла и Сатира. Звон ее каблучков по кафелю разрезал всеобщее молчание.

– А?!.. – Тод, стоявший посреди коридора, вдруг обернулся. Но тут же закрыл лицо руками, которые отчаянно тряслись.

Тонкий холодный смешок пролетел порывом ветра по полу и растворился в воздухе. Когда Тод отнял ладони от лица, все увидели, что из уголков его глаз стекают кровавые капли.

– Не страшно, капилляры лопнули, – Юлий снова внимательно осмотрелся по сторонам, негромко предупредив: – Не оборачивайтесь, если она задаст вам вопрос!

Что же за существо могли вызвать эти двое? Какого холодного призрака они пригласили и зачем? Всё это уже не слишком напоминало забавную детскую игру. Неужели Юлий и правда развлекается магией? И называет себя Серым Кар-

диналом... «Серый Кардинал» – это тот, кто незаметно манипулирует людьми из-за угла. Манипулирует в своих интересах, для достижения собственных целей. Это марионеточник, способный вести тонкую игру среди своих кукол, умеющий вести себя так, чтобы они не догадывались, кто дергает за ниточки, внушая им свои желания, свои мысли, свои пороки.

А он в открытую называет себя Серым Кардиналом. И несмотря на это, толпа набитых ливером кукол приходит сюда каждый день.

Меленькая холодная ладошка легла на моё левое предплечье, заставив мысли испариться, оставляя место только для размышления над вопросом:

– *Чего ты желаешь?* – Голос, несомненно, принадлежал существу, что так звонко и страшно смеялось в темном углу коридора.

Ответ нашелся быстро, бедной маленькой холодной Мэри не пришлось долго ждать. Не оборачиваясь, приглушенным уверенным голосом мои губы произнесли:

– Я хочу Серого Кардинала.

Слишком многое происходило в тот момент. Ныла потрепанная девушка, Юлий подошел к Сатире, чтобы взять её за руку, Тод негромко матерился, стирая с лица запекшуюся уже кровь. Мои слова не должен был услышать никто, но Наркоман, стоявший немного в отдалении, резко обернулся, ошарашено посмотрел на меня. Нерешительность испа-

рилась, и я ответила ему упрямым открытым взглядом.

Сквозняк унёс с собой мертвый детский смех; зеркало Сатиры, лежащее на полу, треснуло и само по себе разбилось с мелодичным ярким звоном. Осколки подлетели над опустевшей рамой. Тишина снова окутала стоящих в коридоре людей.

– Кто загадал желание? – Юлий вопросительно осматривал толпу, желая увидеть «счастливчика».

Наркоман направился ко мне, приподнял мою левую руку, чтобы рассмотреть ядовито-красный отпечаток ладошки, оставленный мне на память зазеркальным существом.

Серый Кардинал подошел к нам, взглянул на след на моей руке:

– Добро пожаловать в наш клуб, Кнопка.

Что бы это ни значило, на лице Юлия светилась диковатая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.